

Константин ГНЕТНЕВ

г. Петрозаводск

рассказ

Хозяйка урочища Ветра

Он проснулся рано и с тем же тяжёлым чувством, с каким засыпал под утро. По дому плыла тонкая, зыбкая тишина. Такая тишина бывает только на самой границе с ночью. Он любил эти короткие минуты чуткой предрассветной тишины, радовался им, но теперь они казались ему в тягость.

За окном — чёрным по тёмно-синему — уже наметилась кромка близкого леса. Рассветы теперь приходили день ото дня позже. Осень явилась в урочище полноправной хозяйкой. Кружили и стелились ковром жёлтые листья, застилали дорожку к реке, тропинки, весь их просторный двор. Жёлто-бурые полосы из листьев текли по реке, собирались возле коряг в пёстрое полотно.

Сентябрь стремительно и неукротимо катился к югу. И он, как эти листья, должен сплавиться по реке в низовья. Через месяц начиналась охота. Подготовить избы на своём участке, отремонтировать ловушки на тропах-путиках. Недели две займут эти хлопоты, трудные, но привычные за многие годы промысла.

Он поднялся, нащупал на спинке стула

брюки и тельняшку, осторожно вышел. Ему не хотелось до света будить жену. Она намазала в эти дни, с утра и до вечера собирая и укладывая поклажу. И ещё этот тяжёлый разговор вчера, и упреки, и слёзы, и почти бессонная долгая ночь. Так тошно на душе, так муторно перед выходом в тайгу у него ещё не бывало.

Ступни крыльца за ночь покрыла мелкая водяная пыль. Он бросил на мокрые доски старый брезентовый плащ и сел. Воздух остыл за ночь, напитался росой и со сна показался совсем холодным, прямо-таки ледяным. За воротами начиналась широкая тропа. Она вела к реке. Едва приметная в сумерках, река серебрилась меж сосен, а за ней темнела громада леса...

Он хорошо знал тайгу. И сейчас, приходя в себя от ночных видений, ему несложно было представить её всю, на многие-многие километры. Он прикрыл глаза и увидел за лесом ещё одну реку, поменьше, она текла километрах в десяти отсюда, потом большое топкое болото и новую реку, а за рекой, в полудне

ходьбы, озеро с высоким островом посредине. На острове, на самой макушке, кресты раскольничьих могил вразнобой, покрытые седым мягким мхом. Где-то там веками жила его родовая деревня, от которой не найти теперь ничего, кроме крестов да каменных гряд в низких ельниках...

Как давно это было, подумал он с грустью, сколько веков прошло, а река и лес — вот они, живут. Будет так и после нас. А раз это уставлено на свете, то чего стоят все наши страдания, и так ли велико наше горе, как мы его представляем...

Деревня, в которой прошли его детство и юность, тоже перестала существовать. Обвалившиеся печные трубы да дурная трава — вот и всё, что найдёшь от неё теперь. Он редко вспоминал о прошлом и не очень-то любил, но сегодня явились к нему в памяти дом и короткая улица, в конце которой жила она, его будущая жена, и крохотная школа, и большой, позеленевший от старости колокол на столбе возле пожарного сарая.

Сегодня воспоминания приятны ему, согрели душу. «Наверное, из-за неё, — подумал он о жене. — Что и говорить, нам всегда было хорошо вместе...»

Деревню сгубило не время. Городских браконьеров накрыли на вертолёте инспекторы с милицией. Чтобы скрыться, те подожгли траву, занялся прибрежный лес, а потом и деревню огонь слизнул так, что никто и охнуть не успел. Да что там деревня, двадцать дворов. Сам он промышлял с братом и ни о чём не ведал. Когда вернулись, узнали, что дома нет и отца схоронили без них, ровно неделю назад...

Он и теперь явственно ощутил горький запах пожара, увидел синеватые дымки на месте знакомых изб, почувствовал ладонями печные кирпичи, прокалившиеся в страшном огне и до сих пор ещё горячие. Таёжный зверь в панике бежит от такого запаха. Неприятен, враждебен он человеку...

Отец успел спасти от огня инструмент, снасти и охотничий припас и тут же, возле пепелища, упал без сил, задохнувшись прогорклым вонючим дымом. Отец с войны

страдал сердцем. Когда бабки обряжали его в последний путь, в кармане нашли их ордена. Он ими дорожил, оказывается, больше, чем сами сыновья.

Теперь она предстала в памяти школьницей. Высокая и стройная, всегда в длинной юбке до пят, строгая. Деревня считалась раскольничьей, и даже по тогдашним меркам она вела себя не по-детски сурово. Монашка — таким было её школьное прозвище.

Они сидели за одной партой, жили рядом и дружили. Почему она выбрала его, он не знал и теперь. Были в деревне ребята побойчей в делах и поострее в разговорах. Может, потому, что не пытался лапать, как другие, и не искал повода зажать где-нибудь, чтоб повизжала? Просто всегда они оказывались почему-то вместе, вот и всё. А когда пришло время и офицер военкомата вывел их, четверых пацанов, к моторке, чтобы везти рекой в армию, спросил вполголоса: «Ждать будешь?» Она коротко глянула строгим взглядом и ответила просто: «Буду». И дождалась.

А сегодня ночью он её предал. Так она сказала ему, вначале тихонько, будто спрашивая себя, будто догадываясь, а потом кричала, вся в слезах, жаркая и яростно-злая. «Предал, предал, предал...» — навалилась и била его твёрдыми кулачками в грудь.

— Предал...

Он держал её за плечи, задыхаясь под покровом рассыпавшихся волос, крепко прижимал к себе и чувствовал, как твёрдые соски жестко чертят его по мокрой от слёз груди. А она всё билась, билась и билась, ослабевая и затихая в его объятиях...

Они поженились сразу после армии и прожили вместе почти девятнадцать лет. Но детей не было. После пожара пришли за пятнадцать километров сюда, в ближайшую промысловую заимку отца. Урочище Ветра называли это место охотники. До осени успели утеплиться, прирубили ещё один просторный придел, поставили ограду от случайного зверя и стали жить: они вдвоём, Матвей и Лена, и его младший брат Миша. Было это три года назад.

Небо над урочищем заголубело. Занялась заря. Он совсем продрог, поднялся и хотел было идти ставить чайник.

— Ты что, брат, притих и мёрзнешь? Будто на точку вышел.

Миша, улыбающийся и весёлый, появился на крыльце и распахнул руки:

— Денёк-то занимается, посмотри-ко, а! Радость-то! Это для тебя, в дорогу...

Миша весь в мать. Так же, как она, часто и по любому поводу радуется — погоде, солнцу, дождику, хлебу и всему на свете...

— Я на своих точках не мёрз.

— И не бегал, как мы. Тебе-то чего: вертушкой закинут на перевал и лежи себе. Тепло, светло и мухи не кусают. А нам-то, да... И горы, и зелёнка, и-и-и-и-э-х!

Миша вынес сахар и хлеб, поставил на мокрые доски парящий чайник, разлил по кружкам кипяток.

— Посидим, брат. На, согрейся, а то уйдёшь, скучно станет.

Меж братьями десять лет разницы, но старший жилистый, гибкий, младший осанистей, кряжистей, и потому кажутся как одногодки, а с лица и вовсе близнецы. И жизнь у них складывалась один в один. Оба служили в армии и оба снайперами: один в Афгане, другой ухитрился поспеть к началу второй чеченской. Старший вернулся с советской «звёздочкой», младший с российским «мужеством».

На войну не рвались, да никто их не спрашивал. Как только командиры в учебке узнавали, где жили и чем занимались, сразу налаживали в снайперы. Младшего даже пытались учить. В Светлогорске, в знаменитой снайперской школе К-43, после первых же занятий взводный привёл его к ротному и растерянно доложил: «Что мне с ним делать? Ничего не знает, но всё умеет».

— Да и что бы ты набегал, со своей кочергой СВД в полтора метра? У меня вот «винторезик» был, будто игрушечка.

— Не-е-е, Миша. Ты забыл: 1225 сантиметров. Однако грех на неё обижаться. Справлялись.

— Да пробовал я её в школе. Хорошая машинка, но старовата по нынешним временам. Прицел и вовсе... А я после «винторезика» ус-

пел и «взломщика» захватить. «Винторезик»-то работает только на четырёста, а «взломщик» и за тыщу пятьсот достанет. У-у-х!

— Что вы там на самом деле, — «взломщик», «винторезик», армия или кто?

Матвей привык к шутливым подковыркам брата. После Афгана снайперами в войсках занялись всерьёз, и оружие обновлялось регулярно. Но Матвей ничего об этом не знал.

День и вправду наступил добрый. Их урочище — это неширокий, будто топором прорубленный прогал в высоком кряже. Кряж по одну и другую сторону порос высоченными древними соснами. Сосны встали, будто крепостные стены, и от этого урочище казалось предпольем, какие обычно устраивали между ними: один конец к югу, к болоту, другой на север, к реке. И какая бы пора ни стояла на дворе, всегда здесь тянул несильный ровный ветер. Зимами, конечно, это совсем ни к чему, а летом так и хорошо: ни комара, ни гнуса.

Солнце поднялось над лесом, высохла роса, и пора наставляла собираться в дорогу. Но уехать Матвей не мог. Он тянул и тянул с разговором, страшился его. Вся душа его противилась и страдала.

— Что вы тут чаёвничаете, на пороге-то? Будто сиротки какие. Вас что, в дом не пускают?

Лена выглядела уставшей, лицо бледное, глаза ввалились. Матвей заметил, что не смотрит на него, прячет глаза, наверное, всё ещё злится.

— Ты приготовь что-нибудь, а мы на бережок сходим, глянем, как там лодка, — тихо попросил жену Матвей. — Мы скоро.

Они вышли за ворота и двинулись по широкой тропе, распахивая ногами вороха листьев. Листья с неохотой поднимались, неловко кружили и тяжело падали обратно. Они огрузли, привыкли к земле и уже приготовились умирать.

— Что решил, Миша? Останешься или как? Отец, помнишь, говорил: друг друга держитесь, тогда выживете...

— Помню, Матвей, как не помнить.

— Ну, так и оставайся. Ягод много, орех добрый, сезон удачный будет.

— Это так. Только ведь отец всю жизнь с мамкой прожил, и у тебя вот Лена есть. А я тридцатник разменял, а бабы нет. Не пове-ришь, иной раз думаю, хоть бы раз в руках по-держать, а там и помирать можно.

— Не гневи Бога, Миша! Помирать он соб-рался...

Старый это был у них разговор и безысход-ный какой-то. В последний год особенно час-то Миша заводил его, не на шутку тревожа Матвея. Его не пугала будущая жизнь в урочи-ще вдвоем с женой. Ну, лет на десять ещё, ну, на пятнадцать сил хватит. Он боялся за брата. Миша дважды уходил к людям «в мир», и оба раза это заканчивалось плохо.

Матвей мучительно думал. Он и только он должен принять решение. Подняться и уйти в район вместе? На что и где жить? Кто их там ждёт? Но вчера ему показалось, что выход он нашёл...

«Мир» начинался в семидесяти километрах, за тремя реками и одним громадным озером. Дня три-четыре пути, смотря по погоде. Там посёлок лесозаготовителей, власть, магазины, парикмахерская, столовая. В «мир» они выхо-дили два раза в год. Сдать пушнину и мясо, куп-ить сахару, чаю, муки, заплатить взносы в охотобществе, пополнить запас патронов, по-роху и дрови.

В посёлке много бесхозных женщин и хо-лостых девок. Но и участковый тоже есть. И он чей-то друг, брат или сват и всегда стоит на стороне местных. Пару раз после жесточай-шей драки Миша оказывался в казённой ком-натке участкового с замызганными лавками вдоль стен, но, оборванный и исцарапанный, всегда уходил — то через окно, выломав решет-ку, то через крышу пристроенного с улицы ту-алета. Там, в спецназе, их учили не только ло-вить чужих, но и убежать самим.

Местные мужики быстро узнали настоящую цену Мише, и не они отвратили его от посёл-ка. Застенчивая скромница Верочка однажды пригласила Мишу заглянуть на чай. Вера жила тут же, при леспромхозовском общежитии, где мама числилась комендантом и где останавли-вались они с Митей во время своих наездов.

— Оставайся у меня сегодня, — предложила

Верочка тихим голоском, когда выпили чай и съели последний столовский пирожок. — Мне парень нужен. Прямо невтерпёж, ночи не сплю.

— Пошли с нами в урочище. Будем жить вместе, муж и жена. Там простор, воля...

— На что мне воля в глухомани-то вашей? Да и замуж рано. Накоплю денег и в район уеду — вот где воля, а не у вас.

— Я-то тогда зачем? Что, мужиков в посёлке мало?

— Для здоровья, Миша, для здоровья, — ласково улыбнулась Верочка, и у Миши от этой улыбки больно заньло внизу живота. — Я читала, и парням девка нужна. А здешние... Их раз позовёшь, они полгода треплются по пьяни.

— У меня со здоровьем нормально, — ответил Миша жёстко. Он никак не ожидал такого по-ворота в разговоре с Верой. Он почувствовал вдруг, что лаской и голоском, что, словно руч-еёк, журчит-переливается и убаюкивает в жаркий лесной полдень, его обманывают все женщины мира; обманывают в чём-то самом главном.

— Мне, Вера, жена нужна, и не для здоровья, а для жизни.

И он ушёл, оставив на клеёнке в коричневых разводах засохшей заварки десятирублёвку за пирожки. С тех пор в посёлке он не задержи-вался, в клуб не ходил и только зло торопил брата к возвращению домой.

Лодку они приготовили с вечера. Мешки с крупой и сухарями, брезентовый куль, в ко-торый плотно завернуты несколько десятков капканов, жестяная печка для домика, пилы, топоры, охотничий припас на три месяца. Братья присели на борта лодки. Ровно и мощно река текла возле ног к далёкому морю. Но спокойной она была только здесь. В полу-километре отсюда начинался затяжной пере-кат, и слышно было, как ревьёт и беснуется вода в узких теснинах меж чёрных и скольз-ких камней.

— Пойду в район, Митя. Помогу тебе участок подготовить, а сам промышлять не стану. Как заведёшься, так до весны проканителиться.

Далеко на севере уже закончилась осень и пришли первые морозы. Примерно через ме-

сяц они заметят это и здесь. Река выйдет из берегов, поднимется, затопит окрестные низины и кусты ивняка. Значит, внизу на перекатах лёд начал намерзать бурыми пластинами и запирает воду. А потом большие плёсы со спокойной водой покроются ледком, встанут, и только буруны возле камней на перекатах даже в самые сильные морозы станут глухо, урочно ворчать по ночам и густо парить.

— Не обижайся, брат. Болота встанут, и уйду.

Промысловый участок Матвея по площади равнялся трём районным центрам, включая окрестные деревни. И впервые в этом году они будут готовить его вдвоём. Через две недели Матвей должен вернуться, а Миша уйдёт в тайгу завершать.

— Знаешь, Миша, хочу тебе сказать, — неуверенно начал было Матвей. Голос его осёкся от волнения, и на секунду перехватило дыхание. — Подумай ещё раз, не спеши. И главное. — Он переборол волнение, собрался. — Ты брат мне, у нас одна кровь. Мы здесь втроём, а вообще как один, как одна семья. Ведь так?

Миша не понял, о чём речь, но кивнул головой.

— Давай вот так дальше и жить будем. Я уйду, тебя Лена позовёт, а ты не сомневайся, иди.

— Куда позовёт? — всё ещё не понял Миша. — Зачем?

Но Матвей не ответил. Он поднялся и скорым шагом пошёл к заимке. Бурые листья из-под сапог всё так же неловко и невысоко подлетали стайками и сразу ложились по краям тропы, будто неровные угловатые кочки. Миша посидел, соображая, и когда вдруг понял, сердце бешено забилося и кровь бросилась в лицо. «Что это он?! — думал он в смятении. — С ума сошел. Как это?!!»

Лена сидела у окна, хмуро и зло смотрела на мужа, готовая заплакать. Он неохотно ковырял в миске, а потом долго пил чай.

— Я так не смогу, Митя. Я же не тёлка какая-нибудь, чтоб меня к быку подводили, — говорила она тихо дрожащим голосом. Потом не выдержала и заплакала.

— Ты же муж мне...

И, уже не сдерживаясь, закричала:

— У меня муж есть! Муж, муж...

Он поднялся, обнял её, прижал к себе. И она, как и вчера, стала биться в его руках, вырываться и кричать. А потом затихла, успокоилась и свистящим шепотом сказала, глядя сквозь слёзы прямо ему глаза:

— Меня Бог накажет! Ты этого хочешь, да? Накажет, ой как накажет... Ты Бога не боишься? Вижу, не боишься. А я боюсь...

И слёзы снова повисли на её подбородке блестящими мутноватыми капельками.

И у него душа рвалась и плакала. Всё протестовало в нём против того, что он говорил сейчас и что делал. Но он знал, что никак нельзя дать слабину. Иначе вся задумка рассыплется в прах и не сохранит он крошечную свою семейку, не удержит, никак не удержит. И ответ будет ещё более страшен.

— Пусть наказывает меня. Одного. Я отвечаю. Я муж твой, и я тебе говорю...

И тихо гладил её, перебирал густые пряди волос, вдыхая такой знакомый и родной запах, и шептал ей на ухо, как любит, как счастлив, что она у него есть, такая сильная и умная хозяйка. И она, как вчера ночью, устало затихала в его руках, успокаивалась.

— Он брат мой, мы с ним одна плоть, — говорил тихо, почти шептал. — А ты нам давно и мама-кормилица, и сестра, и...

Он недоговорил, но она поняла, хотела было рвануться в его руках, что-то сказать резко. Он приложил палец к её губам и добавил на ушко, шепотом:

— Может, сыночка понесёшь...

И словно сразил её этими словами. Она снова заплакала, но уже тихо и беспомощно, горькими бессильными слезами.

Поначалу он почувствовал облегчение и даже радость. Лодка ходко шла по течению, чуток слушалась руля. И он уже представлял, как через несколько часов пристанет к берегу в укромном заливишке, затопит в избушке печурку, станет с наслаждением пить чай и планировать предстоящую работу на путике. А через два-три дня оставит на лабазе часть припаса и поплывёт в другую избушку, где будет всё то же: ремонт старых ловушек, строительство новых и много ещё чего, о чём

долго рассказывать и что знают только охотники-промысловики.

Но что-то вдруг сломалось в настроении, и разом свет для него померк. Он стал думать о брате и жене, представил, как он войдёт к ней вечером, как они будут лежать, одни во всём доме, и что станет делать он, и как она застанет и забудется под ним. Он ощутил её упругую грудь и восторг, когда ладонь опускается вниз, в эту ложбинку между животом и крутым её бедром, от которой всегда перехватывает дыхание...

И что же? Теперь её ласкает другой и другая ладонь спускается к её крутому бедру, в его сладкую ложбинку! Она же моя и только моя! Как же это?!

Матвей прежде никогда не ревновал жену к другим. Ещё в деревне, однажды будто в шутку, сказал, мол, вот дома нет меня месяцами, а тут мужики. Мало ли браги напьются да и ссильничают ненароком. Она глянула коротким своим быстрым взглядом, будто уколола, и ответила: «А пусть попробуют...» Потом оглянулась, нет ли кого поблизости, и подняла до колена подол юбки. На бедре он увидел маленький нож, который подарил ей давно, едва вернувшись из армии.

...Однажды их группа накрыла на перевале караван с оружием. Немногочисленное сопровождение положили тут же. Среди моджахедов оказался американец, парнишка-инструктор. Вот у него-то ребята и увидели необычный ножевой подвес на бедре. Некоторые ребята из разведвзвода сделали тогда похожие. Сшил и он, привёз домой, в шутку подарил жене после свадьбы и давно уже забыл о нём. Но она, оказывается, не забыла...

Кровь ударила ему в голову. Ему очень захотелось вернуться, сейчас же, сразу, немедленно! Чтобы остановить, не дать свершиться тому, что теперь казалось ему невозможным и даже ужасным. Он резко повернул к берегу. Лодка с разгону глубоко вошла носом в осоку. Он выпрыгнул, взял карабин и дослал в патронник патрон. Часы показывали полдень. «Часа за два берегом дойду до заимки, — думал он разгоряченно. — Если в постели застану — убью обоих».

Он достал из лодки рюкзак, стал лихорадочно рассовывать по карманам патроны, хлеб, спички. Он торопился: быстрее, быстрее, быстрее... Успеть, помешать, не позволить! Она моя, только моя!

Но память, этот подлый змей, который вступает всегда не вовремя, всегда не с руки и подло, напомнила ему, что ведь он сам придумал, сам убедил, сам, сам, сам... И за что же теперь убивать? Он опустил карабин, упал лицом в пожухлую прибрежную траву и заплакал. Он плакал навзрыд, горько и не по-мужски визгливо ругался; ругался сквозь слёзы и самыми чёрными словами, которые только слышал...

Сколько он пролежал, час или три, он не знал. Ровно текла река. Звенели речные струи, обвиваясь вокруг прибрежных камней и унося с собой к морю облетевшую листву. Монотонно кричала птица, извещая своих, что на берегу лежит человек и не движется, хотя, наверное, ещё живой... А когда за вечерело, разжег костёр, попил чаю и поплыл вниз по реке дальше, разбитый, ослабевший, больной...

Меж тем ничего из того, что представлял и чего так боялся Матвей, в заимке не происходило. Весь день Лена хлопотала по дому. Резала и солила в кадке капусту, перебирала перед закладкой в подпол картошку, что-то варила, перекладывала в банки, мела и мыла. А Миша ждал. Он до конца не верил в то, что сказал ему Митя, но страстно ждал и почему-то страшился. Он потихоньку поглядывал за Леной, старался угадать её настроение и ждал, ждал, как на охоте, боясь спугнуть нечаянным взглядом.

То, что говорил Матвей о совместной жизни в урочище и её положении в семье, Лена чувствовала сама. Она, как могла, стерегла себя, но, бывало, ранним утром дома, на берегу после купания или забывшись в хозяйских хлопотах, ловила на себе испепеляющий Мишин взгляд. В такие минуты она сердилась, но не на Мишу, а на себя. Сердилась от того, что сердцу его внимание было приятно и нравилось, а она считала это чувство постыдным для себя. Она хорошо понимала Мишино состояние, как поняла бы любая зрелая женщина, и жалела, жалела его в душе...

Миновала неделя, а с ней подошла к концу вторая. Лена не звала. В субботу второй недели, после того как по очереди сходили в баню и ужинали, она сказала то, чего так долго хотел услышать: «Я приду к тебе сегодня».

Жар ударил ему в лицо и, казалось, опалил всё внутри...

Как он надеялся, как торопил время, как хотел ощутить счастье обладания женщиной! И вот оно рядом, уже этой ночью... А когда дождался и распинал её горячее упругое тело, рыча и потея от страсти, она, напряжённая и безучастная, только судорожно комкала в кулачках свежую после бани ночнушку... И потом, спустя несколько дней, она уже не позвала, а только подошла и молча легонько погладила его по голове. И он всё понял, и снова терзал её сильное тело, а она всё так же, как в первый раз, молчаливо терпела и не находила в себе сил ответить на его страсть...

Матвей не вернулся через две недели, как обещал. Миша уже собрался на подмену, снарядил лодку и по пять раз на день выходил на берег посмотреть, не видно ли на реке брата. Но Матвея не было. Последний лист опал с деревьев и уплыл по холодной и пустой реке. Умолкли птицы. И небо опустилось над урочищем, огрузло сизыми сплошными облаками, грозя то злым холодным дождём, то сразу снегом.

Уже третья неделя подошла к концу, и они не на шутку встревожились, когда Матвей вернулся. Исхудавший и будто бы постаревший за двадцать дней отлучки, он хмуро поздоровался, умылся и сел на крыльце отдохнуть — весь напряжённый и непривычно отстранённый, будто чужой.

Матвей и вправду чувствовал себя чужим. Он не знал, как вести себя теперь, когда страшное уже произошло. Он вглядывался в родные лица и силился увидеть что-то такое, что выдавало бы перемену. «Они же спали в одной кровати, и это должно проявиться, просто не может не проявиться», — убеждал себя. Но ничего особенного не замечал. Только жена невесела и нерадостна, как бывала прежде при его возвращениях из тайги, а хму-

рилась и, похоже, продолжала злиться на него. А Миша, всё такой же лёгкий и весёлый, теперь казался через меру возбуждённым.

— Ну, как, брат? Что там, в хозяйстве? Много ли успел? Что мне оставил?

Миша сыпал вопросами, а сам непрестанно двигался, что-то делал по двору, нетерпеливо хлопотал. Он готов был сейчас же, немедля, отправиться в тайгу.

— Присядь-ко на минуту, — попросил Матвей. — Что ты, как конь застоялый, копытом бьёшь?

Миша присел к брату на ступени крыльца и дурашливо потрепал его за шею.

— Вижу, вижу, изработался весь. Мне-то оставил чего?

— Избушка на Берестяном ручье и вторая на Большой Уде — это тебе готовить. Да по путикам там и там пробежать, поправить. Думаю, дней на пять-шесть работы, не больше.

— Всё сделаю к сроку, не беспокойся, — Миша вскочил, готовый бежать за рюкзаком и ружьём.

— Да сядь ты, сядь, — строго попросил Матвей. — Главного не сказал...

— Да что ты, — удивился Миша, — маленький я, что ли? В тайге не бывал?

— Запоздали мы малехо. Река поднялась в берегах. Перекат не пройти ни левой шиверой, ни правой, где обычно ходим. Камни нынче под водой, и сразу не увидишь: опасно. Иди береговой протокой, в обход. Часа два потеряешь, зато риску никакого.

Береговая протока в обход переката была мелководна и летом пересыхала. Они поднимались по ней из низовьев, когда не было сил идти против течения.

— Пройду, Митя, не бойсь! — ответил Миша, поднимаясь с крыльца. — Третьем году, помнишь, также вода груба стала, а я ходил перекатом вот как по двору. Пройду и теперь.

Лена вынесла куль с продуктами, завернутыми в старую холщовую наволочку. На крыльце куль обернули в кусок целлофана и вложили в рюкзак.

— Ну, с богом, Миша!

Матвей осенил брата крестным знаменем и проводил к лодке.

— Ждём тебя через неделю. Потом пару дней отдохнёшь, вместе на охоту, лады?

Нагруженная по самые борта, лодка тяжело отошла от берега. Течение подхватило её, повлекло и всё быстрее и быстрее понесло вниз, — туда, где бесновался речной пережат. Пережат набрал воду и теперь буйствовал, словно спешил накуражиться, прежде чем на полгода его накрепко закуёт мороз...

Матвей лёг поздно, но жена не поспешила к нему. Лена возилась и возилась на кухне, чем-то брякала, переставляла. И когда начал задрёмывать, тихо скользнула на своё место, на самый краешек, свернулась комочком спиной к нему и затихла как мышь. Он подождал немного, придвинулся и положил руку на её плечо.

— Не надо, Митенька, — по-детски беспомощно заплакала она тихим беззвучным плачем. А он лежал и не мог сообразить, что же ему делать теперь, и виноватил себя и ругал последними словами. И снова тянучей болью заняла душа и захотелось обхватить руками голову и, как там, на берегу, плакать и кричать дурным голосом...

— Грех, Митенька, — бормотала она в испуге. — Накажет нас Господь, ох как накажет...

«Так было нужно! Да, так было нужно!» — повторил он как молитву, как повторял тысячу раз, оставшись один в тайге. Этому научил его в Афгане сержант снайпер, которого он сменил в разведгруппе. Рычал дизелем пыльный БТР, ребята уже обхлопали плечи уходящих на гражданку, и те вольно курили на броне, ожидая отправки на аэродром. Сержант отвёл его за угол палатки и хмуро сказал:

— Слушай сюда, паря, и запоминай. Поразишь первую цель, будет хреново, так хреново, что не все остаются. Ни о чём не думай, не пили опилки и не ковыряй замазку, иначе пропал. Повторяй: так было нужно! Так было нужно... И всё. Ты понял?

— Так было нужно, нужно, нужно...

И ему стало легче. Он обнял жену, прижал её к себе, съжившуюся, жалкую, и стал гладить по разметавшимся по подушке волосам, по горячим плечам и тихо, как ребёнку, шептать на ухо, как любит её, что так надо, а Господь милосерд, и что без неё он жить не сможет совсем...

А под утро он тревожно проснулся. Жена, как большая ночная птица, сидела на кровати и долгим взглядом смотрела в чёрное окно.

— Ты чего, Лена? Ложись, рано ещё.

— Я боюсь, Митя.

— Чего же ты боишься? Я же тут.

— Сама не знаю. Боюсь, и всё. Будто беда рядом.

— Ладно тебе. Наплакалась вчера, вот и тревожишься. Спи.

И на следующую ночь, и потом она всё так же неожиданно просыпалась среди ночи, сидела, глядя в черноту леса за окном, и чутко вздрагивала, когда он звал...

К концу недели Миша не вернулся. Они подождали ещё день и решили вместе сплавиться до избушек. Подумали, вдруг какая-нибудь незадача с лодкой и нужно помочь. Но за пережатом, где успокаивались, смирились бурны, а мощные жгуты водяных струй растеклись большим плёсом спокойной воды, она вдруг закричала, замахала ему на корму, указывая на берег.

На берегу, среди нагромождений прибрежного коряжника, он заметил обломки знакомого борта, несколько разбросанных тут и там серых, обшарпанных о камни досок. Лодка упёрлась в берег. Она выскочила первой и с диким криком бросилась прямо через коряжёк к Мише, уже спокойному, остывшему, неживому.

— Это я-а-а! Это я-а-а во всё виновата, — кричала она и билась головой о холодную Мишину грудь. — Прости меня, Мишенька! Прости ты меня! А-а-а...

Миша пошёл через пережат самой плохой, самой страшной правой шиверой. Лодку в струе не удержал, её развернуло и с размаху раскололо бортом о камень. Он был почти без одежды и с разбитой о валуны головой. Как у него хватило сил выбраться на берег с такой чудовищной раной, понять было невозможно...

...Матвей вышел из тайги незадолго до Нового года. От заимки до ворот тропинка в глубоком снегу была расчищена, но силы у него кончились. Он сбросил тяжеленный рюкзак, снял лыжи и сел прямо на тропу, привалив-

шишь к рюкзаку и вытянув усталые ноги.

Кончался короткий декабрьский день. Пушистый снег лежал громадными шапками на сосновых лапах и на крыше, переливался и сверкал изумрудами. А сама заимка стояла среди леса словно сказочный домик из папьемаше и ваты, что в детстве каждый год вывешивала на новогоднюю ёлку мама.

«Да, не прибывает сил-то, не прибывает, — впервые с сожалением подумал он о своём возрасте. — Прежде прибежишь, да ещё баню стопишь, да напаришься. Теперь нет, завтра всё, завтра».

Жена вышла на крыльцо, выпустив за собой целый клуб морозного пара. Увидела его, бросилась по тропе и упала на грудь, обжигая лицо острыми колючками заиндеветшей бороды:

— Что ты, что ты, родной? Вставай, застудишься...

Подхватила лыжи, ружьё и повела-поволокла его в дом, большого и неуклюжего, в звенящей от ледяной корки одежде...

...Что-то неувовимо новое обнаружил он в жене после возвращения из тайги. Она всё время будто прислушивалась к чему-то, была сосредоточенна и часто рассеянна. И ещё эти тряпочки... Она собирала по шкафам, стирала и гладила старые наволочки и простыни, разрезала их и складывала в стопочки. Стопочки

лежали тут и там, и он никак не мог понять, для чего они ей. Ночью, когда они, задохнувшиеся и счастливые друг от друга, отдыхали и разговаривали в темноте лицом в лицо, он спросил про тряпочки. Она рассмеялась:

— А ты и не догадываешься, нет?

И, обхватив его голову, прижала к животу.

— Слышишь?

Он не услышал, а скорее почувствовал, как издалёка, из горячей глубины её тела кто-то тихонечко подаёт ему сигналы: тук-тук и потом через некоторое время снова: тук, тук-тук...

И она радостно зашептала прямо ему в ухо:

— Слышишь? Скоро они понадобятся, Митенька. Скоро...

И рассмеялась, и откинулась на подушку, весёлая и счастливая, словно девчонка.

2015 г.

□

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. 1947 год)
 — публицист, писатель,
 окончил факультет журналистики ЛГУ
 и более 30 лет работал в периодических изданиях
 Карелии сотрудником и главным редактором.
 Лауреат международной литературной премии
 Союза писателей России «Полярная звезда»,
 победитель Всероссийского литературного конкурса
 «Бородино» губернатора Московской области,
 лауреат премии Республики Карелия
 в области литературы (2008 и 2014 гг.),
 премии журнала «Север» и специальной премии Союза
 журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;
 заслуженный работник культуры Российской Федерации.

